

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 16—23.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 16—23.

Научная статья

УДК 821.161.1.03.05“20”

EDN <https://elibrary.ru/vtmxxu>

DOI: 10.46726/И.2025.3.2

ХРОНОТОП ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ЛИМОНОВА (на материале романов «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» и «Это Я — Эдичка»)

Регина Альбертовна Кадеева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,

г. Саранск, Россия, reginakadeyeva@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить ключевые особенности хронотопа города в романах Э. Лимонова. В статье использованы следующие методы: сравнительно-исторический, типологический, метод целостного анализа художественного произведения. В результате установлено, во-первых, что ключевыми для романов прозаика эмигрантского периода становятся хронотопы малого и большого города. Во-вторых, в романе «Подросток Савенко...» топография города строится посредством создания особого топографического континуума и предельной детализированности топографических описаний. Хронотоп малого города строится по структуре хронотопа Дома и становится фоном для психологического и физического становления героя. В-третьих, в романе «Это я — Эдичка», в отличие от «Подростка Савенко...», представлен хронотоп большого города, который конструируется по модели город — мир. Город здесь репрезентован сквозь призму сознания писателя-эмигранта локализованным топосом, в котором показана жизнь русской эмиграции «третьей волны». Наконец, в обоих романах город как ключевая пространственная составляющая является не просто фоном развертывания многочисленных судьбоносных событий, но и смысловым центром, катализатором сюжетного развертывания.

Ключевые слова: отечественная проза конца XX века, проза Лимонова эмигрантского периода, роман, хронотоп города, хронотоп Дома

Для цитирования: Кадеева Р.А. Хронотоп города в творчестве Э. Лимонова (на материале романов «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» и «Это я — Эдичка») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 16—23.

Общеизвестно, что принципиально значимое место в структуре художественного текста занимает хронотоп. М.М. Бахтин в «Формах времени и хронотопа в романе» справедливо подчеркивает колоссальное значение пространственно-временных отношений произведения, полагая, что «в хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетобразующее значение» [Бахтин: 180]. Этот тезис, безусловно, применим и к литературе современной, в которой одним из центральных топосов оказывается город [Осьмухина 2023] — место «завязывания» и разрешения сюжетных коллизий, столкновения антагонистов, внутреннего самоопределения героя.

Наиболее примечательна в этом контексте, на наш взгляд, проза Э. Лимонова, который на протяжении всего творческого пути — от «харьковской» трилогии до романов 2010-х годов — пристальное внимание уделяет пространству города, его топографии, локализованной мини-хронотопами, которые в конечном итоге составляют не просто фон развития событий, но выполняют значимую семантическую и функциональную нагрузку. Оговоримся, что образ Города традиционен в русской литературе. Пристальный интерес к этой теме объясняет Ю.М. Лотман: «Город, как сложный семиотический механизм, генератор культур, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман: 35]. Однако город Лимонова — это не просто место действия, не просто набор улиц и зданий, но и действующее лицо, и соавтор, и основное сюжетобразующее звено. Укажем весьма симптоматичную подробность: движущим импульсом творчества Лимонова и его жизни в целом всегда являлся конфликт — с государством, окружающими и с самим собой, и этот конфликт в разнообразных вариациях и интерпретациях ложится в основу практически всех его произведений, образуя единый автобиографический текст, главный герой которого — неизменно носитель авторской маски — по мере перемещения по миру (общеизвестно, что «автор реальный», проведший детство и юность в Харькове, затем переехавший в Москву, вынужденный эмигрировать, живет в Париже, Нью-Йорке, затем возвращается в Москву) становится частью «городского текста», который одновременно постепенно осваивает и который создает. Город Лимонова «живет» своей жизнью, имеет свой характер и оказывает серьезное влияние на его жителей, формируя их мировоззрение. Достаточно отметить знаменитый лимоновский «харьковский цикл», где советский Харьков становится своеобразным ландшафтом, на фоне которого происходит становление героя. В романе «Молодой негодяй» Лимонов мастерски описывает Крым, в сборнике «Под небом Парижа» и романе «Укрощение тигра в Париже» воссоздается образ французской столицы сквозь призму писателя-эмигранта.

Подчеркнем, что романы «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» и «Это я — Эдичка» избраны в качестве материала исследования отнюдь не случайно. Во-первых, эти романы — одни из самых содержательных в художественном и стилистическом отношении произведений Лимонова, повествующие о важнейших вехах в его нелегкой писательской судьбе. Во-вторых, они пополняют галерею произведений с ярко выраженной городской топографией: именно Харьков и Нью-Йорк становятся смысловым центром романов «Подросток Савенко...» и «Это я — Эдичка».

В романе «Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве» Лимонов ставит перед собой цель показать читателю условия, в которых живет Эди-бэби — юное alter ego реального автора, его авторская маска [Осьмухина 2024]. Так, перед читателем выпукло и красочно предстает окраина советского Харькова, точнее, один из его рабочих посёлков — Салтовка. Посёлок становится локусом, на фоне которого происходит психологическое становление героя: от подростка, погруженного в мир преступности, до формирования его в бандита, наделенного в то же время поэтическим даром. Обращаясь к классификации хронотопов по М.М. Бахтину, предположим, что Салтовка — это не что иное, как «провинциальный городок» — замкнутый тип хронотопа. Основным маркером этого локуса является особенность времени, которое циклично: «Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по

узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Изю дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т. д.» [Бахтин: 279]. Так, действие романа умещается всего в два дня (7—8 ноября), в течение которых главный герой Эди-бэби должен найти деньги. На протяжении всего текста герой «путешествует» по Салтовке в поисках денег, попадает в передраги, вспоминает былое и размышляет о своей жизни. Фоном для этих размышлений и воспоминаний служит провинциальный рабочий поселок, показанный в романе «без прикрас», как есть на самом деле: с «процветающей» бедностью и разгулом преступности. Таким образом, роман лишен каких-либо важных сюжетно-образующих событий и состоит в основном из глубокой рефлексии персонажа. «Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. Здесь не происходят ни “встречи”, ни “разлуки”», — пишет М.М. Бахтин. Так, Салтовка, являясь частью большого Харькова, в то же время живет провинциальной жизнью рабочего поселка, где даже время течет иначе.

По мнению А.С. Поршневой, хронотоп маленького города коррелирует по своей структуре с хронотопом Дома: «Пространство маленького города выстраивается, как правило, по модели Дома, это домашнее, “одомашненное” пространство, и поэтому пространственную структуру такого типа можно обозначить как город-Дом» [Поршнева: 108]. Для юного Эди-бэби Харьков локализуется в Салтовке, которая, в свою очередь, кажется одним большим домом. Герой знает каждую улицу, хорошо ориентируется в пространстве поселка, знаком практически со всеми жителями. Салтовка становится микрокосмом, пространством, словно отделенным от внешнего мира, в котором юный герой чувствует себя комфортно, как дома. Именно поэтому в романе так ярко представлено бытописание, заострено внимание к мелочам и предметам быта, характерное по большей части для описания хронотопа дома, но не целого города. Герой словно «одомашнивает» и обустроивает пространство, в котором существует. По мнению Т.Д. Марцинковской, «малые хронотопы — всегда субъективны, фактически именно они и являются внутренней формой психологического хронотопа, то есть места и времени, в которых происходили значимые для человека в данном городе события» [Марцинковская: 306]. Так, Салтовка — место физического и психологического становления юного героя. А.С. Поршнева, в свою очередь, отмечает важную особенность художественного пространства малого города, по её мнению, это — «высокая степень его наполненности, его повышенная насыщенность предметами при пониженной насыщенности событиями» [Поршнева: 110]. Именно это репрезентовано в романе, относительная бессобытийность которого замещается высокой концентрацией «опредмечивания» пространства, наполнением его деталями. Отметим, что топографические подробности вырисовываются прозаиком детально. Э. Лимонов, обращаясь к приему ретроспекции, ностальгирует по своей юности, с исключительной точностью описывая каждую мелочь: «Настоящий клуб, он же кинотеатр “Стахановский”, с плюшевыми занавесями, с мраморным фойе, с большим залом, с плюшевыми же красными стульями и креслами...» [Лимонов 2021: 36]. Показательна детализированность, с которой писатель подходит и к описанию городского ландшафта: «“третий” дом — целый огромный квартал, а не дом, построенный замкнутым четырехугольником, — внутри которого двор размером с футбольное поле, заостренный сараями» [Там же: 4]. Такая топографическая точность дает возможность достаточно точно воспроизвести атмосферу советского города 1960-х.

Весьма примечательно, что центр города в романе практически не фигурирует. Упоминания о Харькове ограничиваются скудными описаниями, редкими воспоминаниями без особой эмоциональной окраски: «Территория “Победы” принадлежит Плехановке. Плехановка — это уже город» [Там же: 37]. Это отнюдь не случайно, поскольку структура хронотопа город-Дом выделяется ярко выраженным признаком замкнутости, некой «отграниченности» от внешнего мира. Между внутренним миром «Дома» и миром внешним существует четкая граница, которая отделяет свое пространство от чужого, освоенное от неосвоенного. Более того, в сознании юного Эди-бэби происходит мифологизация внешнего мира. «Родной» бандитский поселок Салтовка и Харьков представлены в непримиримой оппозиции, где преимущество остается на стороне пространства привычного и «обжитого»: «Вообще Салтовка, могучая и вольная Салтовка, презирая слабый и развращенный центр города и, сама себя городом не считая, все же в сущности преклоняется перед городом и все время на нее оглядывается» [Там же: 29]. С топографической точки зрения подобный локус (центр города) не играет важной функциональной роли в романе, ибо находится за пределами привычного, знакомого до мелочей и обжитого, для героя пространства.

Таким образом, представленные в романе «Подросток Савенко...» пространственно-временные отношения отвечают авторскому замыслу продемонстрировать посредством героя — носителя авторской маски — своё «бандитское» детство. Хронотоп романа, согласно классификации М.М. Бахтина, можно охарактеризовать как малый город, терминологическим адекватом которого выступает бахтинский «провинциальный городок», структурно выстраиваемый по модели хронотопа Дома.

Несколько иная ситуация представлена в романе «Это я — Эдичка». Эди-бэби вырос, и теперь он Эдичка — писатель-эмигрант, ищущий свободы творчества в Америке, в шумном Нью-Йорке. Роман в буквальном смысле слова «пропитан» Нью-Йорком, его «быстрым» темпом жизни, атмосферой, людьми, улицами, ресторанами, отелями. Город здесь является не просто основным топосом романа, он становится действующим лицом, соавтором автобиографического нарратора. Так, следуя традиции метапрозы, Э. Лимонов описывает процесс создания романа: «Эдичка записывал свои вопли, сидя на кровати в отеле на Мэдисон. Начиная утром главу, он покидал отель, жил эту главу на нью-йоркских улицах, и на следующее утро вспоминал ее. Ему было, что вспоминать...» [Лимонов 2023: 113].

Если в «Подростке Савенко...» фоном развития событий была лишь окраина города, провинциальный рабочий поселок, в котором герой ощущал себя по-домашнему свободно, то в романе «Это я — Эдичка» — огромный мегаполис, в котором Эдичка чувствует себя чужим и непринятым. А.С. Поршнева правомерно, на наш взгляд, характеризует пространство большого города как «город-Мир» [Поршнева: 111]. Это хронотоп с открытой структурой, не отграниченный от внешнего мира, но, напротив, — открытый ему. Так, Нью-Йорк, город, в который эмигрировал герой романа, — это локализованное пространство, в рамках которого показана жизнь русской эмиграции. Хронотоп лимоновского Нью-Йорка состоит из множества отдельно взятых локусов, так называемых микропространств, в которых существует Эдичка.

Одно из таких микропространств — отель «Винслоу», где живет герой. Данный локус, по сути, прочитывается читателем как топос дома, однако жизнь в «Винслоу» нельзя назвать жизнью в полном смысле слова, это лишь

жалкое существование. Отель становится антидомом, поскольку воспринимается Эдичкой как символ выживания, но не жизни, как символ мрака и смерти, прежде всего духовной. Так, герой возмущен тем, как относятся в этом отеле к русским: «К нам, людям из России, в отеле относятся так, как некогда относились к черным до отмены рабства. Белье нам меняют куда реже, чем американцам, ковер на нашем этаже не чистили ни разу за все время... Простыни и полотенца нам дают самые старые, свой туалет я мою сам. Короче — мы люди последнего сорта» [Лимонов 2023: 9]. Хронотоп романа в целом представлен сквозь призму писателя-эмигранта, изгнанника. Более того, с точки зрения М.Ю. Егорова, «роман “Это я — Эдичка” создаёт определённый трансгрессивный образ эмиграции» [Егоров: 89]. Любопытно, что отель «Винслоу» в сознании Эдички считается местом мрачным, лишенным уюта и благополучия: «Отель “Винслоу” — это мрачное, черное 16-этажное здание, наверное, самое черное на Мэдисон-авеню. Надпись сверху вниз по всему фасаду гласит "ВИНСЛУ" — выпала буква “О”. Когда? Может быть, 50 лет назад» [Лимонов 2023: 8]. Более того, образы смерти и тюрьмы метафорически описывают всю суть жизни эмигрантов «третьей волны», которые ютятся в «Винслоу», лишенные радости бытия и надежды на «спасение» отсюда: «Несчастье и неудача незримо витают над нашим отелем. За то время, как я живу в отеле, две пожилые женщины выбросились из окна» [Там же: 9]. Локус «Винслоу» вполне сопоставим, на наш взгляд, с описанием пансиона в «Машеньке» В.В. Набокова: «Пансион был русский и притом неприятный. Неприятно было главным образом то, что день-деньской и добрую часть ночи слышны были поезда городской железной дороги, и оттого казалось, что весь дом медленно едет куда-то» [Набоков: 97]. Как железная дорога становится метафорой непостоянства бытия русских эмигрантов «первой волны» в набоковском тексте, так образы смерти и тюрьмы метафорически описывают суть пребывания на чужбине эмигрантов «третьей волны», которые ютятся в «Винслоу», лишенные радости бытия и надежды на исход отсюда: «Несчастье и неудача незримо витают над нашим отелем. За то время, как я живу в отеле, две пожилые женщины выбросились из окна» [Лимонов 2023: 9]. Комната Эдички в отеле нередко сравнивается им с тюремной камерой, что подсознательно вызвано чувством безысходности: «В моей голой тюремной камерке в “Винслоу” становится чуть веселее, когда я приношу в нее клетчатую красную с белым скатерть, и накрываю ею стол» [Там же: 49]. Так, пространство отеля, темное и неудобное, оказывается антидомом, существование в котором приравнивается к заточению.

Отель «Хилтон», точнее его ресторан «Олд Бургунди», в котором бывший писатель-эмигрант вынужден работать бас-боем, чтобы прокормить себя, — ещё одно микропространство огромного нью-йоркского топоса. Для Эдички этот локус снова кажется «неправильным», чужим и чуждым: «Огромный отель работал как гигантский конвейер, не останавливаясь ни на минуту. В таком же темпе работал и наш ресторан» [Там же: 31]. Работа в сфере обслуживания, среди грязной посуды, остатков еды и мусора была отнюдь не подходящей свободной натуре художника слова: «Я не раб по натуре своей, прислуживать умею плохо. Я очень злился, когда оказывался обслуживающим ближайшие к балкону боковые столики, они меня обязательно куда-то гоняли, хотя это не входило в мои обязанности» [Там же: 41]. В этом пространстве герой снова чувствует себя не на своем месте, его пребывание здесь вынужденное, и эта вынужденность его унижает и оскорбляет, потому что он — поэт,

а не обслуживающий персонал: «Я не был официант, я не плевал им в пищу, я был поэт, притворяющийся официантом» [Там же: 53].

На наш взгляд, заслуживает особого внимания последняя глава романа — «Мой друг — Нью-Йорк», в которой Эдичка гуляет по городу, фиксируя локус за локусом, предаваясь меланхолическим размышлениям: «по сути дела Манхэттан должен был поставить мне памятник, или памятную доску со следующими словами: “Эдуарду Лимонову, первому пешеходу Нью-Йорка от любящего его Манхэттана!”» [Там же: 293]. Именно в последней главе наиболее отчетливо выражается не высказанная до этого привязанность героя к Нью-Йорку — городу, с одной стороны, ставшему концентрацией чужого и чуждого герою американского мира, а с другой, топосом, который стал для Эдички родным. Автобиографический герой словно «заучивает» Нью-Йорк, и тем самым на страницах романа воссоздается его собственный географический атлас города-мегаполиса. Чувствуя беспредельное одиночество после всего пережитого в этом городе, он называет Нью-Йорк своим другом: «Я — человек улицы. На моем счету очень мало людей-друзей и много друзей-улиц. Я думаю, они любят меня, потому что я люблю их, и обращаю на них внимание как ни один человек в Нью-Йорке» [Там же].

Показательно, что в финале романа хронотоп *город-Мир* трансформируется в сознании Эдички в *город-Дом*. Невзирая на микропространства, которые явно являются примерами антидомов, Эдичка называет своим домом весь огромный Нью-Йорк. Так, герой будто только в финале романа окончательно привыкает к городу, принимает его недостатки и несправедливости, мирится со своей новой реальностью: «Я хожу по Нью-Йорку — своему большому дому — налегке, не очень перегружая себя одеждой, и почти никогда ничего не несу, не загромождаю свои руки» [Там же: 296]. Заключительные строки романа, на наш взгляд, наиболее отчетливо показывают читателю то, насколько сблизился Эдичка с Нью-Йорком, который явно антропоморфируется: «За оградой парка меня подхватывает на руки Нью-Йорк, я окунаюсь в его теплоту и лето, кончающееся лето, господа, и несет меня мой Нью-Йорк мимо дверей его магазинов, мимо станций сабвея, мимо автобусов и ликерных витрин» [Там же: 317]. Город обнимает героя, как старого доброго друга. Метафорически этими объятиями автор дает понять, что и Нью-Йорк наконец принял Эдичку.

В заключение отметим, что специфика изображения хронотопа города в двух рассмотренных романах существенно различается. Так, если в «Подростке Савенко...» Лимоновым воспроизводится жизнь небольшого провинциального поселка с циклическим бытованием времени, то в романе «Это я — Эдичка» перед читателем предстает огромный мегаполис. Салтовка, воспринимаемая героем как общий дом для всех жителей, оппозиционируется Лимоновым Нью-Йорку, городу, где герой — чужак и изгой. В «Подростке Савенко...» особенность изображения хронотопа связана с детальностью описаний городского топоса в целом и отдельно взятых локусов в частности. Автор создает особый пространственно-временной континуум, который подчиняется ретроспективной рефлексии главного героя. Хронотоп города выстраивается по модели дома и воспринимается героем как город-Дом. В романе «Это я — Эдичка» нью-йоркский топос становится особым локализованным пространством, в рамках которого показана жизнь русской эмиграции. Топография большого города состоит из нескольких микропространств, в которых репрезентован быт эмигрантов «третьей волны». Хронотоп большого города выстраивается по модели город-Мир, однако в финале романа в сознании героя происходит трансформация:

чужой город начинает восприниматься как дом. Если набоковские герои-эмигранты, к примеру, в «Машеньке», ведшие жалкое существование в унылом берлинском пансионе, искали пути выхода из него, то герой Лимонова отчетливо осознает, что исход из новообретенного мира для него невозможен. На наш взгляд, роман «Это я — Эдичка» прочитывается как некое подведение итогов американского существования самого «автора реального» и пронизан глубокой рефлексией писателя-эмигранта о мире и о себе, об утраченной родине и о стране, принявшей его, о Нью-Йорке, городе, концентрированно воплощающем крах «американской мечты», личную драму героя и всё-таки принимающем его, дающем надежду.

Список источников

- Лимонов Э. Это я — Эдичка. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 360 с.
 Лимонов Э. Подросток Савенко, или автопортрет бандита в отрочестве. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 272 с.
 Набоков В.В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.
 (Bakhtin M.M. Epic and Novel, Saint Petersburg, 2000, 300 p. — In Russ.)
- Егоров М.Ю. Трансгрессивность романа Э. Лимонова «Это я — Эдичка» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 87—102.
 (Egorov M.Yu. The transgressive nature of E. Limonov's novel "It's Me, Eddie", *World of Russian-speaking countries*, 2023, no. 4 (18), pp. 87—102. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. 235 с.
 (Lotman Yu.M. The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city, *Semiotics of the city and urban culture. St. Petersburg. Sign Systems Studies*, Tartu, 1984, iss. XVIII, 235 p. — In Russ.)
- Марцинковская Т.Д. Городской капитал и хронотоп города: новый взгляд на городскую повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, вып. 4. С. 301—311.
 (Martsinkovskaya T.D. Urban capital and the chronotope of the city: a new look at urban everyday life, *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, vol. 11, iss. 4, pp. 301—311. — In Russ.)
- Осьмухина О.Ю. Специфика авторинтерпретации в романе Э. Лимонова «Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 3. С. 865—870.
 (Osmukhina O.Yu. Specifics of autointerpretation in the novel "The Teenager Savenko, or Self-Portrait of a Bandit in Adolescence" by E. Limonov, *Philology. Theory&Practice*, 2024, vol. 17, iss. 3, pp. 865—870. — In Russ.)
- Осмухина О.Ю. Хронотоп города в детективных романах Н. Свечина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, вып. 3 (2). С. 283—293.
 (Osmukhina O.Yu. The Chronotope of the City in N. Svechin's detective novels, *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2023, vol. 24, iss. 3 (2), pp. 283—293. — In Russ.)
- Поршнева А.С. Изучение художественного пространства: стратегии и алгоритмы // Иноязычный дискурс: проблемы интерпретаций и изучения: сб. науч. тр. Екатеринбург: изд-во Урал. Ун-та, 2010. Вып. 2. С. 96—115.
 (Porshneva A.S. Exploring the art space: strategies and algorithms, *Foreign language discourse: problems of interpretation and study: a collection of scientific papers*, Ekaterinburg, 2010, iss. 2, pp. 96—115. — In Russ.)

CHRONOTOPE OF THE CITY IN THE WORKS OF E. LIMONOV (based on the novels “Teenager Savenko, or Self-portrait of a bandit in adolescence” and “It's Me, Eddie”)

Regina A. Kadeyeva

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, reginakadeyeva@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the key features of the chronotope of the city in E. Limonov's novels. The article uses the following methods: comparative-historical, typological, method of holistic analysis of the artwork. As a result, it is established, firstly, that the chronotopes of small and big city become key for the novelist's works of the emigrant period. Secondly, in the novel “Teenage Savenko...” the topography of the city is built by creating a special topographical continuum and extreme detailing of topographical descriptions. The chronotope of the small town is built on the structure of the chronotope of the House and becomes the background for the psychological and physical formation of the hero. Thirdly, the novel “It's me, Eddie”, unlike “Teenager Savenko...”, presents the chronotope of the big city, which is constructed according to the city-world model. The city here is represented through the prism of the consciousness of an emigrant writer by a localized topos, which shows the life of the Russian emigration of the “third wave”. Finally, in both novels the city as a key spatial component is not just a background for the unfolding of numerous fateful events, but also a semantic center, a catalyst for the unfolding plot.

Keywords: Russian prose of the late 20th century, Limonov's prose of the emigrant period, novel, chronotope of the city, chronotope of the House

For citation: Kadeyeva R.A. Chronotope of the city in the works of E. Limonov (based on the novels “Teenager Savenko, or Self-portrait of a bandit in adolescence” and “It's me, Eddie”), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 16—23.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 11.05.2025.

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 11.05.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Кадеева Регина Альбертовна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия, reginakadeyeva@mail.ru, SPIN: 6054-0436

Kadeyeva Regina Albertovna — post-graduate student of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, reginakadeyeva@mail.ru